

ОБРАЗЫ СЕВЕРНОЙ ПРИРОДЫ В ТЕКСТАХ КОЛЫМСКИХ КАТОРЖАН

Ч.А. Горбачевский

Представлен анализ фрагментов прозаических и поэтических текстов, посвящённых природе каторжной Колымы. Рассматривается специфика описаний разных точек зрения на северные пейзажи, прослеживаются типологические связи в описаниях природы бывших колымских каторжан.

Ключевые слова: северная природа, Колыма, пейзаж, контраст, фрагмент, рассказчик.

В мемуарах и художественных текстах колымских заключённых встречаются описания пейзажей северной природы. Едва ли корректным будет утверждение того, что пейзажные включения в анализируемые тексты являются «сюжетообразующими» и «фундаментальными» для понимания самой сути этих произведений, в которых первостепенное внимание уделено описаниям специфики «века-волкодава». И всё же без пейзажных отступлений многие тексты лишились бы реалистичности фона происходящего на Дальнем Севере времён «культы личности». В настоящей работе основное внимание уделено проблемам влияния северной природы (в пределах колымского каторжного пространства) на подневольную рабсилу (т. е. на колымских заключённых).

В малоприспособленных для жизни человека северных условиях природа довольно часто оказывалась в роли невольного сообщника в деле уничтожения пригнанных сюда под конвоем людей. Разумеется, природа в традиционном своём понимании явление вполне нейтральное, а то, как она влияет на человека, в значительной мере, «дело рук самого человека» – хозяина колымской природы. Проблема ещё и в том, что лишённый элементарных условий для выживания невольник оказывался в положении, в котором весьма сложно положительно влиять на собственную судьбу.

Стихотворение этнографа Н.И. Гаген-Торн, написанное зимой 1940 года в колымском посёлке Эльген, обращено к теме фатального равнодушия окружающей природы к оторванному от родной земли и дома человеку:

Что же? Значит, истощенье?
Что же? Значит, изнемог?
Страшно каждое движенье
Изболевших рук и ног.
Страшен голод: бред о хлебе.
«Хлеба, хлеба» – сердца стук.
Далеко в прозрачном небе
Равнодушный солнца круг.
Тонким свистом клуб дыханья,
Это – минус пятьдесят.
Что же? Значит, умиранье?
Горы смотрят и молчат [9, с. 267–268].

Нетрудно заметить, что эпическая отстранённость равнодушного солнечного круга и одушевлённых, но столь же равнодушных гор, напрямую зависит от того состояния «на грани», в котором находится ожидающий смерти «промёрзший на века» и постоянно испытывающий чувство голода лирический герой стихотворения, который, в свою очередь, являет собой некий собирательный образ колымского заключённого.

Другой автор-колымчанин вспоминает, что во время ночной кайловки промёрзлой земли он наблюдал северное сияние с несвойственной в обычной ситуации визуализацией – подобием невиданной для этих мест световой рекламы с непреходящими словами блатарской мудрости. Переживания рассказчика усиливаются тем, что бригадир, который должен был принести собригадникам по куску хлеба за выполненную ранее сверхурочную работу, хлеба не приносит, но вместо этого выгоняет измождённых людей на «свежий воздух», т. е. на колымский мороз для дальнейшей кайловки: «Я напряженно всматривался в размытые пляшущие знаки, стараясь проникнуть в их смысл. Вдруг я понял. Я почувствовал! Я разгадал эту клинопись!!! “УМРИ ТЫ СЕГОДНЯ, А Я – ЗАВТРА!” – прочёл я в холодном предутреннем небе» [7, с. 50]. Безусловно, в таком контексте северная природа выступает в роли союзника бригадира-истязателя. «Клинопись» со слоганом, понятным каждому колымчанину сталинских времён, возвращает людей на тысячи лет назад, в подобие первобытного общества, из которого многие уже никогда не вернулись.

Г.Г. Демидов в рассказе «Интеллектуал (Признак Коши)» (1973) обращается к одному из ключевых символов колымской природы в своих текстах – природному хаосу. В этом рассказе когда-то профессор математики с широким кругом познаний и интересов, а теперь навалыщик-откатчик на тяжёлых общих работах, в числе многих других, находящихся на колымском руднике сопки «Оловянная», пытается «<...> противостоять принижающему действию каторжного быта и не опуститься до уровня почти животного, как это происходило здесь едва ли не со всеми» [4, с. 102].

Бывший профессор занимает себя мыслями, казалось бы, находящимися по своей отвлечённости и бесполезности на неизмеримо далёком расстоянии от безысходной лагерной действительности. С другой стороны, эти же мысли связывают профессора с тем, что некогда было сутью его жизни, а теперь хоть на какое-то время способны отвлечь его от абсурда сизифова лагерного труда. Профессор размышляет, как будто перейдя в параллельную реальность, о том, что «<...> по мере подъёма на сопку становится всё яснее, что окружающие её горы кажутся хаотическим образованием только внизу. Вообще понятие хаоса в чём-нибудь порождается всегда недостатком знаний о природе и законах этого явления. Отсюда же видно, что сопки, особенно дальние, вытянуты в цепи, как бы набегающие друг на друга и порождающие мысль о волнообразном движении. Это движение нельзя считать застывшим, так как горнообразовательные процессы, особенно в этих местах, всё ещё продолжаются. Его, например, даже можно было бы выразить, пусть несколько абстрагированной, математической формулой. В противовес представлению о Хаосе – признаку капитуляции разума перед непознанным, математическое отображение явления означает высшее торжество этого разума» [4, с. 107–108]. Собственно, интеллигент-интеллектуал пытается доказать, в первую очередь, самому себе возможность торжества разума над мертвенным хаосом гибельного «края света».

Представления профессора-математика о «музыке колымских гор» приобретает некую форму во время одного из бесконечных подъёмов на вершину сопки: «С этой высоты уже совершенно очевидно, что здешняя горная система имеет ясно выраженный волнообразный характер, хотя весьма сложный. Значит, и выражать его надлежало бы средствами полифонической музыки и среди них – фуги. При некотором напряжении воображения он уже сейчас слышит мощные, накатывающиеся друг на друга волны звуков. Вначале они должны изображать столкновение и борение между собой громадных масс мёртвой материи. Затем проникновение в их первозданный хаос некоего организующего начала. Постепенно это начало переходит к своему торжеству, пока ещё не окончательному. Борьба сил, слишком могучих, чтобы замечать человека, всё ещё продолжается сквозь раскаты воображаемой полифонии» [4, с. 112–113]. Вовсе не случайно, что сочетание в колымской горной архитектуре симфонии с какофонией (некоего порядка с хаосом), по мысли повествователя рассказа, навевает на сознание учёного-математика аллюзии о безжизненных далёких планетах, сравниваемых им с мертвенностью и безразличием колымского пейзажа. Сходство ещё и в том, что безжизненные небесные объекты кажутся учёному в «колымской проекции» столь же далёкими, что и «материк», откуда его когда-то пригнали.

Показательно, что семантика рассказа «Ин-

теллектуал» отмечена также столкновением, войной объектов мёртвой природы друг с другом. Безжизненная материя, символизирующая хаос и враждебное пространство, вместе с тем даёт едва ли не иллюзорную возможность главному действующему лицу рассказа увидеть в этой тьме просвечивающий луч надежды и веры в окончательную победу разума и вселенского порядка над чуждым человеку устройством окружающего первобытного хаоса. Постепенно вера в торжество организующего начала в колымской природе для персонажа «Интеллектуала» становится уже не столь очевидным фактом, поскольку профессор в окружающем его природном безмолвии теряет последние силы в борьбе за жизнь. Он погибает от нехватки воздуха, сбоя сердца, непомерной потери сил при подъёме вместе с другими такими же обессиленными, но до поры до времени ещё живыми каторжанами, бредущими на сопку горы «Оловянная». В финале рассказа одна из многих равнодушных колымских сопкок поглощает очередную свою жертву. Сопке горы помогает «представитель власти» – вохровец, привычно пнувший очередного упавшего зэка сапогом вбок: «Второй удар учёный уже не почувствовал» [4, с. 114]. Таким, неизмеримо далёким от идиллического, оказался финальный удар вохровского сапога, а вместе с ним и последний аккорд фантастической музыки колымских гор. Два этих звука-символа – реальный и воображаемый, – прозвучавшие в унисон, недвусмысленно ответили на риторический вопрос о цене человеческой жизни на Колыме.

В рассказе Демидова «Дубарь» (1966) пейзаж с нагромождением льда в Охотском море неминуемо наводит рассказчика на мысль о холодных и безжизненных небесных планетах. Показательно, что в воспоминаниях другого колымчанина Ф. Диаманта звучит мысль о характерном для колымских приисков сходстве с лунным ландшафтом [5, с. 190]. Симптоматично и то, что с лунной связано распространённое выражение: «отправить на Луну», т. е. убить человека.

Рассказчик повести Демидова «На перекрёстках невольничьих путей» (1969) распознаёт в летних колымских ландшафтах грустную улыбку безнадежно больного человека, к которому временами ненадолго приходит облегчение. Рассказчик отмечает, что подобное впечатление свойственно было не только ему, но и молодому безымянному поэту, сочинившему на эту тему грустные стихи, начинавшиеся со сравнения человеческого горя с мёртвым северным пейзажем:

Лето Приполярья – как улыбка

Человека, видевшего горе.

В синей дымке – горы, точно волны,

Мёртвой зыби каменного моря <...> [3, с. 65].

В рассказе Демидова «Под коржом» (1966), после гибели звена колымских рудокопов под осыпавшейся ложной кровлей забоя, случайно оставшийся в живых работага Зеленка неожиданно

начинает испытывать суеверный страх «<...> перед неодолимыми силами природы <...>». Сейчас Зеленке представилось, что холодная и угрюмая гора, в недрах которой копошатся люди, сознательно и справедливо враждебна к ним. И что она последовательно уничтожает всех, кто кощунственно буравит её тело, поглощая и растворяя их в себе. Многие рудокопов поглотила уже эта сопка, и в их числе тех пятерых, которых она только что погребла под плитами обвала. Из дыры забоя, в котором, наверно, было уготовано место и ему, на Зеленку, казалось, холодно дохнула сама смерть» [3, с. 346–347]. Природа, как тогда казалось Зеленке, жестоко мстила невольным «колонизаторам», которых привезли на Колыму умирать.

В рассказе «Без бирки» (1966) повествователь Демидова констатирует «предвзятое отношение» колымской природы к беглецам, у которых почти нет шансов уйти от погони. Даже природа препятствует беглецам: «Главное в том, что здешние горы, распадки, ущелья и болота враждебны живому человеку, пытающемуся их преодолеть <...>» [4, с. 149].

Символической ролью отмечен пейзаж с многочисленными крестами в рассказе Демидова «Художник Бацилла и его шедевр» (1972). Христианский символ здесь является констатацией бесконечных страданий, а финалом общей безысходности становится неминуемая гибель каторжан. Рассказчик «Художника Бациллы» соотносит написанную одним из многочисленных ээка картину-символ с обыденностью мёртвого колымского пейзажа. На переднем плане картины изображён пригвождённый к распятию крайне истощённый человек в лагерном бушлате, а позади – огромное количество других распятий, заполняющих бескрайние колымские просторы: «Заработало навеянное впечатлением от этой картины воображение, расставившее на окрестных склонах множество крестов с распятыми на них людьми. К тому же под многими из этих склонов протянулись бесчисленные лагерные кладбища. Только тех мертвецов, что лежат на кладбище вон под той сопкой, хватило бы, наверно, чтобы уставить крестами распятий, символизирующих их судьбу, все ближние горы до самого горизонта. А там новые кладбища и новые роци крестов. И так во все стороны необъятного Колымо-Индигирского района “особого назначения”» [4, с. 280–281]. Отметим, что кресты в рассказе Демидова выступают в значении символов, поскольку заключённым, как правило, кресты на могилах ставить было «не положено». Да и могил для заключённых, в человеческом их понимании, на Колыме почти не было:

Я видел разные погосты.

Но здесь особая черта:

На склоне сопки – только звёзды,

Ни одного креста [6, с. 186], – пишет Анатолий Жигулин в стихотворении «Кладбище в Заполярье». Но эти кресты, изображённые художником

Бациллою, являются и символом немилосердной колымской природы.

Одно из стихотворений В.Т. Шаламова в цикле «Кипрей» (1937–1956) посвящено впечатлениям от преодоления каторжанами пути на ненавистные общие работы, приближающие неминуемую смерть. Враждебными к предельно истощённым людям здесь становятся не только горы с лесом, но и вся северная природа, т. е. то, что в других обстоятельствах могло бы восхитить праздного стороннего наблюдателя («туриста», «альпиниста»), не знакомого с «заключёнными» колымскими реалиями:

О, если б я в жизни был только туристом,
Разреженный воздух горы
Вдыхал бы, считая себя альпинистом,
Участником некой игры.

Но воздух усталое сердце ломает,
Гоня из предсердий последнюю кровь.
И мир, что меня хорошо понимает,
Щетинится, злобится вновь.

И горы, и лес сговорились заочно
До смерти, до гроба меня довести.
И малое счастье, как сердце, непрочно,
И близок конец пути... [10, с. 199–200].

В одном из колымских стихотворений Н.И. Гаген-Торн тоже акцентируется внимание на северной специфике «края земли». И если первая строка констатирует сходство колымского пейзажа с таковым неизвестно-сказочной планеты, то последние две строчки подводят черту под остраивающей ледяной и равнодушно-мертвенной «космичностью»:

Это – земля иль другая планета?
Синие горы – причудливо строги.
Ветви – рисованы в небе кристаллами света,
Выдуман лес многоногий!
Кто-то,
Алмазами землю покрывший,
Без счёта
Льёт холода жидкое пламя,
И смотрят два солнца застывших
С неба – пустыми глазами [1, с. 84].

Е.С. Гинзбург пишет о нелепом контрасте, возникающем при сравнении «плоского, серого, подёрнутого тоской небытия пейзажа Эльгена» [2, с. 289] и кажущегося немыслимым, сатанинским измышлением вида барачков с надписями «Грудниковая группа», «Ползунковая», «Старшая», в которых содержались дети матерей-невольниц. Контраст усиливается близостью к колымскому Аиду детских жизней.

В книге воспоминаний В.В. Налимова «Канатоходец» показан фрагмент колымской природы, сохранивший свои основные северные атрибуты в виде своеобразного сказочного пейзажа, оживающего при приближении к нему арестантов. Необычные для жителя средней полосы Рос-

сии явления природы автор воспоминаний наблюдал, когда его вместе с другими заключёнными везли в открытом грузовике на морозе в минус 50 градусов за 300 километров к северу от Магадана: «Наша машина задержалась в небольшой лощине, закрытой со всех сторон. И... что это такое: на небе вспыхивает сразу множество солнц. Ещё мгновение, и всё небо в крестах цвета радуги с солнцами в центре (подобные явления в геофизике называются гало). И воздух, сам воздух начинает блестеть ледяными кристалликами. Кажется, что сама природа, стосковавшаяся за тысячелетия безлюдья, приветствует нас своей красотой» [8, с. 194–195]. Отметим, что это одно из сравнительно редких описаний, в котором автор говорит о неравнодушии, как будто даже приветствии колымской природой арестантов. Перемена обстановки, новые впечатления заставили рассказчика на мгновение восхититься красотами необычного пейзажа. Но восхищение оказалось непродолжительным. Довольно быстро чарующая сказочность горного ландшафта трансформировалась в затмевающий собой северные красоты более реальный каторжанский мир: «Ранним утром, ещё затемно, подъезжаем к воротам приисковой зоны. Что-то странное: запряжённые розвальни, на снегу вроде бы лежат люди, около них суетится охрана. Оказалось – отбирают ещё живых среди замёрзших. Живым оттирают обмороженные лица» [8, с. 195].

Таким образом, авторы документально-художественных текстов о невольничьей Колыме, описывая северную природу и выразив определённо своё к ней отношение, показали сложности вживания человека в малоприспособленный для жизни пейзаж. Разумеется, что условия и обстоятельства вынужденного пребывания в местах, в которых главной целью для человека было выжить, вовсе не способствовали эстетическому любованию колымским пейзажем и северными красотами. Однако колымская природа, проходя через

сюжетную канву неким фоном, в значительной степени способствовала философским размышлениям авторов о всевозможных перипетиях собственной судьбы и о цене человеческих жизней в условиях нечеловеческой колымской каторги второй половины 30-х – начала 50-х гг. XX века.

Литература

1. Гаген-Торн, Н.И. *Метория* / Н.И. Гаген-Торн; сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. – М.: Возвращение, 1994. – 415 с.
2. Гинзбург, Е.С. *Крутой маршрут: хроника времён культа личности: в 2 т.* / Е.С. Гинзбург; предисл. А. Аксёновой; обл. С. Тяжелова. – Рига: Курсив: Творч. фотостудия Союза журналистов ЛССР, 1989. – Т. 1. – 318 с.
3. Демидов, Г.Г. *Любовь за колючей проволокой: повести и рассказы* / Г.Г. Демидов; публикация В. Демидовой; предисловие М. Чудаковой. – М.: Возвращение, 2010. – 360 с.
4. Демидов, Г.Г. *Чудная планета: рассказы* / Г.Г. Демидов; сост., подгот. текста, подгот. ил. В.Г. Демидовой; послесл. М. Чудаковой. – М.: Возвращение, 2008. – 360 с.
5. Диамант, Ф. «Во льдах» / Ф. Диамант // *На дальнем Севере*. – 1990. – № 1. – С. 170–199.
6. Жигулин, А.В. *Чёрные камни: автобиограф. повесть; Урановая удочка; стихотворения* / А.В. Жигулин. – доп. изд. – М.: Культура, 1996. – 382 с.
7. Лесняк, Б.Н. *Я к вам пришел!* / Б.Н. Лесняк. – Магадан: МАОБТИ, 1998. – 296 с.
8. Налимов, В.В. *Канатоходец* / В.В. Налимов. – М.: Прогресс, 1994. – 456 с.
9. *Поэзия узников ГУЛАГа: антология* / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский. – М.: МФД: Материк, 2005. – 992 с.
10. Шаламов, В.Т. *Собрание сочинений: в 4 т.* / В.Т. Шаламов; сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. – М.: Худож. лит., 1998. – Т. 3. – 526 с.

Горбачевский Чеслав Антонович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск). E-mail: cheslavgor@gmail.com

IMAGES OF THE NORTH NATURE IN THE TEXTS OF KOLYMA PRISONERS

Ch.A. Gorbachevskiy, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, cheslavgor@gmail.com

The article focuses on the analysis of some selections of prosaic and poetic texts devoted to Kolyma nature. The author pays attention to different standpoints concerning Kolyma nature, describes some typological connections of nature images interpreted by former Kolyma political prisoners.

Keywords: north nature, Kolyma, landscape, opposition, selection, narrator.

References

1. Hagen-Thorn N. *Memoria. Sost., predisl., poslesl. i primech. G.Yu. Gagen-Thorn* [Memoria. Comp., foreword, afterword and notes G.U. Hagen-Thorn]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1994, 415 p.
2. Ginsburg E.S. *Krutoy marshrut: khronika vremen kul'ta lichnosti: v 2 tomakh*. [Whirlwind: chronicle of the cult of personality: in 2 vol.]. Riga, Course: Creative studio Lithuanian Soviet Socialist Republic of the Union of Journalists Publ., 1989, Vol. 1, 318 p.
3. Demidov G.G. *Lyubov' za kolyuchey provolokoy: povesti i rasskazy* [Love behind barbed wire: novels and short stories]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2010, 360 p.
4. Demidov G.G. *Chudnaya planeta: rasskazy* [The wonderful planet: stories]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2008, 360 p.
5. Diamant F. «Vo l'dakh» [In the ice]. *Na dal'nem Severe – On the far North*, 1990, no.1. pp. 170–199.
6. Zhigulin A.V. *Chernye kamni: avtobiogr. povest'; Uranovaya udochka; stikhotvoreniya* [The Black Stones: an autobiographical novel. The uranium rod; poems]. Moscow, Culture Publ., 1996, 382 p.
7. Lesnyak B.N. *Ya k vam prishel!* [I came to see you!] Magadan, MAOBTI Publ., 1998, 296 p.
8. Nalimov V.V. *Kanatokhodets* [Tightrope walker]. Moscow, Progress Publ., 1994, 456 p.
9. *Poeziya uznikov GULAGa: antologiya. Pod obshch. red. akad. A.N. Yakovleva* [Poetry by prisoners of the Gulag: an anthology. Ed. by acad. A.N. Yakovlev]. Moscow, MFD: Materik Publ., 2005, 992 p.
10. Shalamov V.T. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vol.]. Moscow, Artist. Lit., 1998, vol. 3, 526 p.

Cheslav A. Gorbachevskiy, candidate of philological science, professor assistant of the Russian language and literature department of South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: cheslavgor@gmail.com

Поступила в редакцию 18 ноября 2013 г.